

Текст и фотографии: Карина Абдусаламова

Уругвай: территория дзен-социализма

До недавнего времени об Уругвае редко вспоминали даже его ближайшие соседи. Государство, существующее скромно, а-ля кот Шредингера, не вызывало ровным счетом никаких ассоциаций.

Вот Бразилия — это карнавал, футбол и секс, Аргентина — тоже футбол и секс, без карнавала, но с танго. А Уругвай? С ним сложнее.

Название этой крохотной латиноамериканской страны отзывается брачным курлыканьем голубей и безмятежностью ручья; в очень узких литературоведческих кругах поклонники французского символизма поминают Уругвай в разговорах о графе Лотреамоне — Изидоре Дюкассе, выходеце из Монтевидео, который стал предтечей европейской авангардной литературы. Но он прожил во Франции так долго, что большинству уругвайцев его имя ни о чем не говорит.

У них — современный живой герой, и это, как ни странно, только что сложивший полномочия президент.

В 2010-м на пост президента Уругвая был избран Хосе Мухика — в прошлом член партизанского коммунистического движения Тупамарос (*Tupamaros*), леворадикальной организации, которая осуществляла поддержку бедных слоев населения, грабя банки и похищая чиновников-толстосумов. Мухика шесть раз был ранен в столкновениях с полицией, провел за решеткой в общей сложности 14 лет, дважды бежал. На свободу он вышел только в 1985 году, когда наконец была свергнута 12-летняя военная диктатура Бордаберри. Правительственную карьеру начал с поста сенатора, поработал министром животноводства, а после того как через несколько лет был избран на пост президента, эксцентричный политик заставил весь мир говорить об Уругвае.

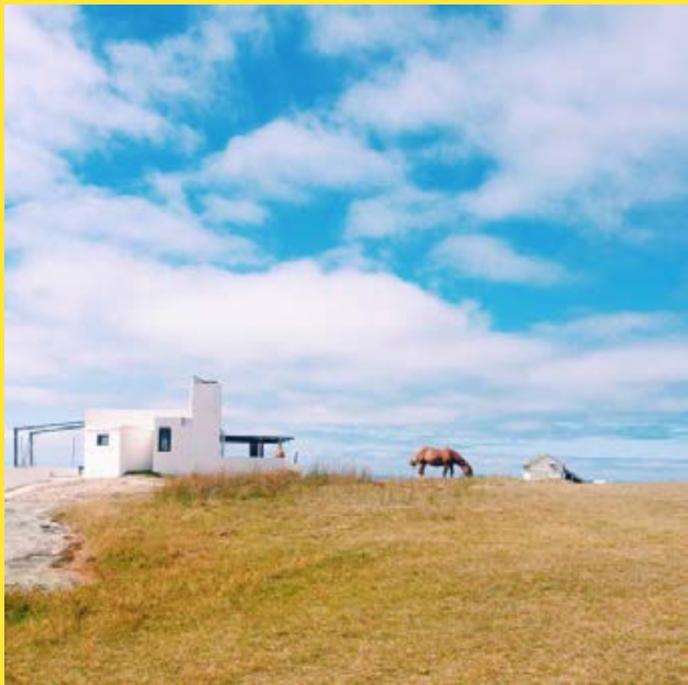
А теперь главный вопрос: что будет, если посадить анархиста, маоиста, бывшего уголовника, идеалиста и философа в президентское кресло? Сначала Мухика привлек внимание мировой общественности к своей персоне, отказавшись от 90 % доходов: официальная зарплата главы государства в Уругвае составляет 12 500 долларов в месяц — себе из этой суммы он оставлял только 1250 долларов, остальное жертвовал на благотворительность, за что вскоре был прозван беднейшим президентом в мире. Он отказался жить в президентском дворце, предпочтя роскоши привилегированной жизни свой скромный загородный дом. Когда Мухику спрашивают, к чему такая принципиальность, он, разводя руками, отвечает: «Я живу точно так же, как жил до того, как стал сенатором, министром и президентом. Мне это кажется логичным, потому что я точно такой же человек, как и был раньше. Другой вопрос, почему большинство считает меня чудачком, когда чудачками

являются они — те, кто, поднявшись на одну ступень выше своего социального статуса, воображают себя монархами, титулованными персонами. Республика появилась в доказательство того, что мы все равны. Статус президента не делает тебя лучше тысяч других, идущих по улице людей. Это анахронизм, который по ошибке затесался в республиканскую систему из феодальных времен. Все эти дворцы, красные ковровые дорожки, прислуга приводят меня в ужас. Но не могу же я это запретить. Я вынужден уважать взгляды на жизнь других людей, но и они должны уважать мою точку зрения».

«Все эти дворцы, красные ковровые дорожки, прислуга приводят меня в ужас. Но не могу же я это запретить»

Правительство Мухики осуществило ряд социальных и экономических реформ, которые поставили Уругвай на один уровень с самыми прогрессивными странами мира. В Уругвае легализованы гей-браки, хотя этим никого особо не удивишь: они также разрешены и в соседней либеральной Аргентине. Однако, в отличие от остальных католических стран Латинской Америки, Уругвай, не страшась анафемы Ватикана, легализовал аборт до 12-й недели беременности — вопрос, о котором на континенте предпочитают не распространяться, но менее важным он от этого не становится: нелегальные аборт в Латинской Америке ежегодно уносят жизни тысяч женщин.

Однако законопроект, который породил самые оживленные дискуссии и вызвал как волну одобрения, так и шквал критики, обрушившейся на Мухику, связан с легализацией марихуаны. Уругвай стал первой страной, официально легализовавшей марихуану, — в Нидерландах правительство только допускает употребление наркотиков в строго отведенных местах, на деле они все равно запрещены. Как объясняет Мухика, закон направлен на регулирование рынка, который уже существует. Цель подобных мер — борьба с наркоторговлей: появление на этом поле нового мощного игрока — государства — выбьет почву из-под ног преступников. Теперь государство является производителем марихуаны и устанавливает квоту на ее употребление. Все, кто хотят употреблять больше положенного, должны вносить свое имя в списки. Эта мера нужна для того, чтобы государство

могло идентифицировать людей, которым необходима медицинская помощь. «Ты можешь выпивать пару бокалов виски в день, однако, если количество выпитого измеряется не стаканами, а бутылками, у тебя, мой друг, серьезные проблемы», — поясняет Мухика.

Уругвай стал первой страной, официально легализовавшей марихуану, — в Нидерландах правительство только допускает употребление наркотиков в строго отведенных местах, на деле они все равно запрещены

Интересно, что инициативу одобрили только 40 % уругвайцев, а в парламенте законопроект прошел с минимальным перевесом. Однако Мухика стоит на своем: «Критика будет звучать там, где происходят изменения. Всегда. В 1915 году были легализованы разводы по инициативе женщины.

Тогда общество говорило о неминуемом распаде института брака, к которому этот закон приведет в будущем. Консерватизм и политическая реакция, которые как огня боятся любых изменений, будут существовать всегда, но это не повод отказываться от наших идей». В действительности даже самые озлобленные крити-

ки прогрессивной политики «Пепе» — так в народе называют Хосе Мухику — вынуждены признать, что стратегия его правительства приносит фантастические результаты. Уругвай называют латиноамериканской Швейцарией: показатели, отражающие уровень коррупции в стране, ниже, чем во Франции и Израиле, а доходы распределяются наиболее равномерно, если сравнивать с другими государствами континента. Правительство устанавливает цены на товары первой необходимости, а одним из приоритетных направлений для страны является образование.

В январе 2015 года имя Мухики снова появилось в мировых новостях: на этот раз президент подобрал на дороге автостопщика. Путешественнику понадобилось время для того, чтобы понять, кто сидит за рулем, поскольку старый «Фольксваген-Жук» Мухики на дороге ничем не выделялся. Сначала он долго вглядывался в лицо жены президента, Лусии Тополански, которое показалось ему знакомым, а потом медленно перевел взгляд на водителя и ахнул. История мгновенно разлетелась по свету, накрыв скромного Пепе новым шквалом восторженных отзывов. Путешественники устремились в Уругвай в надежде встретить президента — рок-звезду в очереди за пивом в продуктовом магазине. Я не была исключением.

Если вы добираетесь до Уругвая не на самолете из далекой холодной страны, а, скажем, из Буэнос-Айреса, то вам придется переплывать коричневые воды реки Ла Плата на пароме. По окончании путешествия продолжительностью в полтора часа вы оказываетесь в старинном городе Колония: мощные улицы, газовые фонари, каменные стены, оббитые плетнем, церкви, мосты и неспешные улыбчивые уругвайцы. Столица Монтевидео находится в трех часах езды, однако то, что привлекает в страну туристов, никак не связано ни с колониальной архитектурой, ни с культурными традициями. Пляжи — вот чем знаменит Уругвай. Но об этом немного позже.

Я иду навстречу потенциальному Мухике по шоссе, отмечая сходство между уругвайскими пейзажами и швейцарскими заливными лугами с шоколадных оберток: те же растянувшиеся на километры зеленые холмы, только с пальмами и выкрашенными в освежающий белый цвет скамейками. Златовласый пастушок

с флейтой и парой кудрявых барашков здесь пришелся бы очень кстати. Но вселенная не позволяет мне утонуть в пасторальной неге: рядом тормозит машина с двумя девушками. Они социальные работники, помогают найти источники финансирования для бедняков: от строительства домов до поддержки малого бизнеса. Едут на встречу с клиентом, который ищет средства для своей булочной. «Население Уругвая — 3 млн человек, еще 10 лет назад за чертой бедности находился 1 млн, ты можешь себе это представить?» От Мухики девушки, конечно, в абсолютном восторге, но что они считают наиболее важным — это то, что курс правительства не зависит от президента. «В марте этого года прошли выборы, и новым президентом стал Табаре Васкес. Несмотря на поддержку большинства, Пепе был вынужден уйти, потому что по законам нашей страны президент не может избираться два раза подряд, но важно, что курс не поменяется — уругвайцы согласны с левой политикой правительства». Социальные работницы высаживают меня через 10 километров и отправляются на встречу с пекарем, а я вскоре оказываюсь в молочном грузовике с двумя ухмыляющимися добряками водителями. Коровы, упитанные, цветастые, довольные, живописно обрамляющие круглые желтые стога сена. Лающие собаки, пронзительный запах свежего навоза. Водитель протягивает мне пластиковую бутылку без горлышка, до краев наполненную белоснежным молоком, приятный летний ветер колышет волосы. Сейчас

бы вспомнить что-нибудь из Есенина и продекламировать им, стоя в этом поле с молочными усами. «Кари, а чего ты себе жениха в Уругвае не найдешь и здесь не останешься? Тут хорошо, спокойно». И правда, чего это я?

Уругвай называют латиноамериканской Швейцарией: показатели, отражающие уровень коррупции в стране, ниже, чем во Франции и Израиле

Мы благополучно добираемся до Монтевидео — самой провинциальной столицы, в которой мне когда-либо довелось побывать. В облачные дни без солнца город кажется невероятно тоскливым: вся столичная архитектура почему-то земляных цветов, старые здания выглядят обшарпанными, людей на улицах немного. Но каждый без исключения прохожий держит в руках термос, из которого доливает кипяточка в свой мате. Даже после трех месяцев жизни в Буэнос-Айресе, где мате является, пожалуй, самым популярным напитком, уругвайская одержимость им все же сумела взбудоражить мое сознание.

Жители Монтевидео, как и дома, нейтральных цветов. После аргентинских банановых девочек с выкрашенными в голубой цвет волосами,

громких продавцов газет и аристократичных бабуль в сверкающих золотом серьгах в уругвайской столице становится не по себе от навалившейся тишины. Затерянные в безвременье городские селяне. С другой стороны, город, как и вся страна, овеян ореолом спокойствия и безмятежности. Это как раз тот случай, когда «весь мир подождет».

Впрочем, проводить параллели между Аргентиной и Уругваем не очень этично по ряду причин. Довольно продолжительное время Уругвай и Аргентина были одним государством — аргентинцы никогда не упускают случая лишний раз об этом напомнить в снисходительной манере. Эдакое добрососедское панибратство, которое маскирует аргентинское высокомерие, и, понятное дело, уругвайцы находят что ответить. Кульминацией в веренице дипломатиче-

ских страстей стал случай на международной пресс-конференции, когда Мухика высказался об аргентинском президенте Кристине Киршнер и ее покойном супруге, бывшем лидере страны: «Эта старуха еще хуже, чем тот, косоглазый: косоглазый был большим политиком, а эта упрямая».

Показательно, что скандал не испортил аргентинско-уругвайских отношений: вскоре появились фотографии, где Пепе, добродушно улыбаясь, стоит в обнимку с Кристиной. Подолгу враждовать не в характере уругвайцев.

Интересно, что раста-хиппи-символика прочно закрепилась в молодежной культуре: я никогда не видела такого количества людей с дредами на один квадратный метр. Большинство объясняет этот феномен свершившейся революцией марихуаны — мне же кажется, что причиной является национальный характер уругвайцев, а легализация уже следствие.

В январе 2015 года имя Мухики снова появилось в мировых новостях: на этот раз президент подобрал на дороге автостопщика

Парк-заповедник Кабо-Полонио (*Cabo Polonio*), в котором люди многие десятилетия пренебрегают электричеством, — еще одно тому доказательство. Добраться до него можно только на специальном внедорожнике либо пешком — другой транспорт строго запрещен. Джип везет нас по самому берегу, так близко к воде, что небольшие волны разбиваются прямо о корпус внедорожника. В свете заходящего солнца и уже проступившей белой луны по пляжу идут группы босых людей с гитарами. Когда мы приезжаем в деревню, уже совсем стемнело: возле небольших глиняных домов расставлены или развешаны странной формы фонари. Подходя ближе, понимаешь, что это свечи, которые засунули в пятилитровые пластиковые бутылки. Повсюду раздается музыка, в трех из пяти случаев хриплая импровизация оказывается вольным исполнением Боба Марли (ну а кого еще). Люди в хлопковых и льняных одеждах разжигают костры и танцуют на пляже. Звезды горят так ярко, что об электричестве вспоминаешь, только когда надо зарядить телефон. Утром Кабо-Полонио поражает еще сильнее: разноцветные дома, разбросанные в хаотичном

порядке по желто-зеленым холмам, мирно пасущиеся лошадки, прибрежные скалы, поросшие морской растительностью, и в центре всего этого великолепия — маяк. Прямо не Уругвай, а Исландия какая-то. С вершины маяка можно разглядеть мириады тюленей-толстяков, лениво распластавшихся на камнях такого же цвета.

Кажется, эта нация достигла какого-то глобального просветления на государственном уровне

В трех часах ходьбы по песчаным дюнам от Кабо-Полонио находится другой хиппи-городок — Валисас. Добираться туда стоит уже ради самой дороги: одну часть пути проделываешь по берегу, на котором встречаются странные объекты в лучших традициях символизма Ходоровски, другую — по уже упомянутым дюнам. Пейзажи обещают быть еще более сюрреалистичными, если вы забудете головной убор: трехчасовая прогулка по пустыне, пусть даже и обдуваемой морским бризом, на время превратит вас в героя какого-нибудь психоделического кино. И тут уже от вас зависит, будет это Ходоровски или Рейгадас. Короче, не забудьте про кепку или платок. И воды побольше.

На обратном пути из Валисаса я еду в разваливающемся на части грузовике с пожилым фермером и его помощником. На этот раз мы везем лошадку. У фермера частный бизнес по выращиванию и доставке животных на другие ранчо. Через час прибываем на ферму — новое место жительства лошадки. Навстречу нам выходит ковбой из мокрых снов каждой молодой девицы и заводит разговор с фермером. Конечно, на полчаса. Как думаете, о чем могут говорить два сельских жителя на протяжении 30 минут? О скоте? О политике? Об урожае? Не тут-то было! О литературе и живописи. Ковбой рассказывает фермеру, как в свободное время самостоятельно изучает английский язык, чтобы читать литературу в оригинале. Он уже почти осилил один из коротких рассказов Джека Лондона. В ответ фермер заявляет, что занимается живописью, но также страстно любит поэзию, и тут же декламирует наизусть несколько стихов о любви. Я не верю своим ушам. После того как они обсудили Дон Кихота, мы грузим в трак очень агрессивного молодого бычка и едем дальше. Кажется, эта нация достигла какого-то глобального просветления на государственном уровне.

Отвечая на вопрос, что он считает свободой, Пепе как-то сказал: «Свобода в моем понимании — это время, которое у меня есть на то, чтобы наслаждаться собственной жизнью. Если ты хочешь менять машину каждый сезон и иметь собственный самолет, тебе придется очень много работать, а потом жить в страхе, что тебя ограбят, потому что будут завидовать. Ты много работаешь, много зарабатываешь. И пока ты трясешься за имущество, за собственную жизнь, время твоей жизни ускользает сквозь пальцы. Я никогда не встречал богачей, которые за свои деньги могли бы купить больше лет жизни. Поэтому я свободен, когда у меня есть время заниматься вещами, которые я люблю».

Может, никому и не надо знать про Уругвай, что такая страна действительно существует и там действительно живут такие люди. Пусть он останется галлюцинацией, мечтой, свободно дрейфующей на размытой карте южноамериканского материка. Потому что к такому миру, кажется, еще не готов. **M**